

Кіровоградський обласний Будинок
народної творчості
Інформаційно-видавничий відділ

Анатолій
Юрченко

ГУМОР
САТИРА

...*Ї* все, що бажаєте
(на допомогу читцям)

1996 рік

Анатолій Юрченко, з яким ми знайомимо сьогодні читачів народився і виріс в Росії. Майже вісімнадцять років тому приїхав у Кіровоград.

Оповідання і мініатюри, що він піше, мають відтінки від глузливих до співчутливих, від іронічних до викривальних, від веселих до печальних. Та що багато розповідати, читайте!

...І все, що бажаєте

(Фрагмент)

ШУМЛИВА ВІДПУСТКА

– Надто багато шуму, – повторив Петрович голосніше, бо саме в цей момент засвітився зелений вогник світлофора і повз нас помчав цілий потік машин. – Багато шуму. А так – нічого, все добре.

– Чому ж це так? – здивувався я. – В селі?..

– А я звідки знаю! – підвищив голос Петрович. – Шумно, і все.

– А ввечері? – голосно заперечив я. – І ввечері не буває тиші?

– Ввечері – тиша, – теж голосно відповів Петрович. – А ляжеш спати, о третій годині ночі – будь ласка! – вже горланить.

– Приймач у сусідів, – розуміюче кивнув я.

– Та ні, не приймач! – гаркнув Петрович. – А цей, як його...

– Мотоциклет під вікнами?

– Та ні! Цей... Півень у курятнику!

Я співчутливо похитав головою, але продовжував:

– Ну, а вдень що? В полі! Роздолля!

– У полі – техніка! – буркнув Петрович.

Ми підійшли до прохідної, а тут, як завжди, відбійними молотками розбивали асфальт.

– Техніка! Мало того, так ще й ці – як почнуть над головою літати...

– Вертольоти? – перепитав я.

– Та ці, з крильми! – форсував голос Петрович.

– Літаки?

– Ні, – розсердився він. – Оводи... Джмелі! Так і дзижчать, так і дзижчать.

– Ну, а в лісі? – не здавався я.

– У лісі тихо?! – вигукнув Петрович, заходячи за мною до цеху. – Дерева шумлять! Бджоли гудуть! Та ще й над головою – тр-р-р! Оці, як їх?..

Над нами пролунав різкий дзвінок, і ми разом зиркнули вгору.

– Мостові крани, – підказав я машинально. Петрович підозріло подивився на мене.

– Сороки, – сказав він якомога голосніше. – Сороки!

– Ну, а тепер як, після відпустки? – рискнув я спитати через кілька хвилин.

Петрович нахилився до мене і, перекикуючи гуркіт пневматичних молотків, пробасив у саме вухо:

– Тепер відпочиваю! Після всього того, що було – просто відпочиваю!

ЦЕЛЬ

– Это все случилось потому, – сказал он глухо, – что я стал безработным.

Мы лежали вдвоем в чистой светлой палате. Наши загипсованные ноги – у меня правая, у него левая – гордо вздымались к потолку. Моя история была проста и банальна. Я возвращался домой позже обычного – по улице, которую дорожники обещали заасфальтировать еще два года назад...

Историю моего соседа по палате окутывала какая-то мрачная тайна.

– Я как-то сразу потерял цель в жизни, – продолжал он все так же безрадостно. – Нет, пока регулярно посещал бюро по трудоустройству и получал пособие, было, пожалуй, даже весело, а вот потом... – Он безразлично махнул рукой. – Словом, яд, кинжал и камень на шею я отверг сразу.

Очевидно, на моем лице было написано слишком явное изумление. Поэтому он пояснил:

– А вы посмотрите, что мы едим, пьем и чем дышим. Да нас после этого никакой яд не возьмет! Кинжал... Ну, я же не горец какой-нибудь. Откуда у меня кинжал? А камень ни шею... Скажите, вы бы пошли топиться в нашей реке?

Я энергично замотал головой. Я тоже знал, **что** течет в нашей реке. Я бы не пошел даже купаться.

– Вот видите, – печально вздохнул он. – К тому же у меня врожденный страх высоты. Так что отпало и это...

Осенившая меня догадка была чудовищна.

– Значит, – еле выговорил я, – вы решили попасть в больницу, чтобы медицина ... э-э-э... решила ваши проблемы... э-э-э... за вас?

– Если бы, – вздохнул он снова. – Из этой больницы как раз многие выходят. Нет, я решил броситься под какой-нибудь транспорт. Но поездов я боюсь с детства, а самолеты летают слишком высоко. Выбора у меня не было. Поэтому я выбрал дорожный транспорт. Но "КРАЗ", под который я в конце концов кинулся, именно в этот момент начал тормозить, потому что впереди были сплошные ухабы. У "Запорожца", который я выбрал для второй попытки, внезапно отвалилось колесо, и он не доехал до меня целых шесть сантиметров. И тогда я с отчаянья бросился под велосипед. – На его лице появилось выражение муки. – Должен вам сказать, что это было ужасно. Велосипедная рама сломалась сразу в четырех местах. Из колес повывлетали спицы. Руль вместе с велосипедистом повис на дереве. Велосипедист даже не успел испугаться, а только сильно удивился. А у меня – всего-навсего перелом.

Он замолчал и вдруг каким-то совершенно новым взглядом посмотрел в окно.

– Эй! – кричал я в отчаянии. – Пожалуйста, не делайте этого. К тому же здесь всего лишь первый этаж!

– А зачем мне это делать? – удивился он. Голос у него тоже стал вдруг совершенно другим. – Должен был видеть, куда едет. "КРАЗ", понимаете, затормозить успел! "Запорожец" – целых шесть сантиметров не доехал! А этот, пень осиновый, объехать не мог! Так пусть отвечает! За то, что не справился с управлением, больничный мне оплатит – раз! Штаны порванные – два! Лекарства от нервов – я же теперь год буду от нервов лечиться – три! Раз на велосипеде ездит – значит, деньги у него есть...

Я понял, что в окно он теперь не выбросится. Он снова обрел цель в жизни и желание жить.

– Надо бы еще с него, – сказал он мечтательно, – какую-нибудь компенсацию за моральный ущерб получить. А то, я, понимаете, иду себе, ничего не подозреваю – а он тут вылетает!..

ИНОСТРАНЕЦ

– Девушка, как пройти на бывшую улицу Грановского?

– На глупые вопросы не отвечаю.

– А чем же мой вопрос глупый?

– А тем. Сначала вам бывшую улицу Грановского подай, потом – бывший Арбат, а потом мой номер телефона!

– Да, вы правы. Насчет телефона мне как-то в голову не пришло. Ну ничего, я это исправлю. Вы мне только сначала бывшую улицу Грановского покажите

– А "бывшая улица Грановского" – по-вашему, не глупо. Как она по-новому называется?

– В том-то и дело, что никто не знает. Я тут одну организацию ищу. Все говорят – на бывшей улице Грановского, и всё.

– Ага. А вы, где эта улица, сами не знаете?

– А откуда мне знать? Я же иностранец.

– Какой еще иностранец? Да вы по-русски не хуже моего изъясняетесь.

– А я и есть русский. Но иностранец. Когда вы дадите мне свой телефон, мы с вами познакомимся поближе. Может быть, полюбим друг друга. И тогда я вам сделаю предложение. И если вы согласитесь, я вас сразу увезу. За границу.

– А не врете?

– Да вы что! Честное пионерское под салютом всех вождей.

– Ой, а слова такие вы откуда знаете? Вы что, недавно эмигрировали?

– Да куда я не мигрировал. Где родился, там и живу.

– А давно вы там живете?

– Да вы мне что, не верите? Всю жизнь!

– Не может быть!

– Что не может?

– Да у нас все об этом только и мечтают – за иностранца замуж выйти. Бредят. А тут... среди бела дня... Или вы меня за эту приняли, за эту... за ночную? Докажите, что вы иностранец.

– Запросто. Я вам сейчас наши деньги покажу.

– Ага! Значит, все-таки приняли!

– Да нет же! Это для доказательства только. Видите?

– Вижу. По-вашему, это деньги?

– Да я сам знаю, что это не деньги. Но у нас в Лебедине на них кое-что даже купить можно. Самое главное, не такие, как ваши.

– В Лебедине?

– Да. А вы что, наши города знаете?

– Дам я, пожалуй, вам свой телефон.

– Правда? Только... если вы подумали, что Лебедин – это где-нибудь в Германии... Или в Швейцарии... То лучше не надо.

– Это почему еще не надо, если в Лебедине моя родная тетя живет? И двоюродные братья... Слушайте, вы запишите мой телефон. Будете уезжать, я с вами что-нибудь отправлю для тети, хорошо?

– Девушка, а может быть, это вы – иностранка?

– Не знаю... Может быть. Может быть, мы все теперь иностранцы?

НУ ДА!

– Представь себе новость! Спичкин новую программу сделал. На сорок третьем канале.

– Спичкин?.. Опять, небось, серятина какая-нибудь.

– Серятина. Зато гениальная. Рейтинг – сумасшедший. Весь город смотрит.

– Ну да! Порнуху крутит?

– В том-то и дело, что сплошная нуда. Порнуха денег стоит! Старые фильмы крутит, за бесплатно, которые еще сорок лет назад никто не смотрел.

– Может, между фильмами?..

– Да все та же нуда!

– И смотрят?

– Не отрываясь. Понимаешь, у него свой человек на мясокомбинате.

– Ага. И в огороде бузина, а в Киеве дядька.

– А реклама – двигатель торговли.

– Не смейся! Кто сейчас рекламу смотрит?

– А вот представь себе, из-за нее и смотрят. Понимаешь, он примерно в середине своей программы дает адрес, где завтра будет продаваться дешевая колбаса, кровяная. И все время, подлец, время сдвигает. То раньше даст, то позже – и никогда не повторяет. А уже где-нибудь перед концом пускает бегущую строку – где будет ливерная. Вот народ и смотрит. Чтобы не пропустить.

– Бедный народ! Спичкина смотрит.

– Ох, и не говори! Бедный-бедный...

ТАК РАДА!

– Представляешь, Люську встретила. Сто лет не видела. Так рада!

– Какую Люську?

– Ну Люську же!.. С нашего курса. Ты еще заглядывался на нее. Представляешь, я иду. В своей новой красной шляпе. А навстречу – Люська!.. Я так рада.

– Люська? Не помню...

– Не помню!.. Лучшая моя подруга! За моряка потом вышла. Красивая... А сегодня я иду. В красной шляпе. В этих своих брючках. Курточка. Причесочка. Очки за сто долларов. А навстречу – Люська. Представляешь? Я так рада!

– А, Люська... Люсенька!

– Ну вспомнил наконец-то!.. Представляешь, вот я иду. А она – навстречу. Постарела. Подурнела... Одетая кое-как... А я так рада!

АПЧХИ!..

– Апчхи!.. Доктор, у меня грипп.

– А с чего вы взяли, что у вас грипп?

– Но я же все время чихаю. Апчхи!

– Будьте здоровы. Ну и что?

– Как что? Грипп!

– Интересно. Вы кто? Медик?

– Нет, инженер. Апчхи!

– Будьте здоровы. Вот и занимайтесь своими делами. А вашими делами займется медицина. Каждый занимается тем, в чем разбирается.

– Доктор, да кто же в медицине сейчас не разбирается!..

Апчхи!..

– Может быть, кто-то не разбирается. Поэтому и говорю: это не грипп.

– Доктор, не пугайте меня. Вы какой диагноз ставите?

Апчхи!..

– Да уж какой-нибудь поставлю.

– Доктор, я не хочу какой-нибудь. Я хочу правильный!

Апчхи!

– А я и поставлю правильный.

– Но не грипп?

– Не грипп.

– Но почему? У меня что, не может быть гриппа? Апчхи!

– Может. Но только неправильный.

– Доктор, мне плохо. Неправильный – это как? Никакой надежды?..

– Спокойно, больной. Это значит, что санслужба не дает сведений об эпидемии гриппа. Значит, у вас не грипп.

– Доктор, мне уже лучше. Апчхи! А я боялся, что всех пере-заражу...

– Как вы можете кого-то заразить, если эпидемии нет?

– Скажите, доктор, а санслужба про грипп узнаёт откуда?

– Как это откуда узнаёт? Да от нас же, от врачей. Как только мы начинаем фиксировать случаи гриппа – значит, грипп, эпидемия...

– А в моем случае почему не фиксируете?

– Потому что санслужба сведений об эпидемии не дает! И вообще, больной, хватит разговоры разговаривать. Вот вам рецепты – и лечитесь.

- Доктор, а если санслужба даст сведения, что у нас грипп?
- Вот тогда и приходите. Напишу вам – грипп.
- Ну, доктор, я тогда, наверно, выздоровею. Апчхи!..
- Ну разве что выздоровеете... Апчхи!..

ГЛАВНОЕ – МОЗГИ!

(Монолог идущих верным путем)

Мозги!.. Мозги – это для жизни главное. Кому они нужны, те, у кого мозгов нет? Правильно. Никому не нужны.

А у нас – мозги. Есть. И потому по жизни мы идем гордо и смело. Голову – так вот, немного с наклоном – и вперед. Самое главное, в нужном направлении идем.

Откуда знаем, что в нужном? А потому и знаем, что не безмозглые. Мозги есть – значит, идем верной дорогой. Нам сказали: дорога верная – мы по ней и идем, слушая восхищенные реплики сбоку:

– Хорошо идут.

– Тебе такие мозги – ты бы тоже так шел.

– Главное, не бояться. Представляешь, никакого адреналина! Смотри, как головы держат. И никакой адреналиновой отравы!..

– Groш цена была бы их мозгам – если с адреналином!

– Угу! Обыкновенные бараны, да? Зато мозги какие! Да? И если их мозги... да обжаренные в сухарях... да без единой капли адреналина... да к пиву!..

– Ну потерпи, потерпи. Уже пришли почти. Сейчас мы их в забойный цех, а потом... Будет и пиво.

Да, что ни говори, мозги – это главное.

И ВСЕ ЗАКРИЧАЛИ...

– Я ненормальный, – сказал я громко. – Я люблю сразу двух женщин и женат на третьей. И никак не могу разделаться с этой ситуацией, потому что не знаю, с какой из них мне будет всего хуже.

– О-о-о! – сказали мне, погрозив пальцем и одновременно подмигнув. – Зато вы подлинный жизнелюб!

– Я сумасшедший, – заявил я еще громче, – я делаю дело, которое не только никому не нужно, но попросту вредно. Я покупаю в одном месте, чтобы продать в другом, а потом перепродать в третьем. А в результате растет не количество товаров, а всемирная энтропия!..

– Но-но, – сказали мне. – Ваша личная скромность прекрасна, но не замахиваетесь ли вы на достижения всей нашей рыночной экономики?

– Я идиот! – заорал я. – Мало того, что я приближаю тепловую смерть вселенной, я еще ничего на этом не зарабатываю. Потому что все, что я получаю, тут же съедают налоги.

– Вы просто склонны к преувеличениям, – заметили мне мягко. – На бензин-то у вас остается...

В ярости схватил я топор и вдребезги разнес свою машину, офис и мафиозную крышу, под которой я работал. И тогда все закричали в один голос:

– Смотрите, да он же просто псих!

ТАКТИКА

Курка знеслася, голосно кудкудаче. Дехто думає, що вона сповіщає людство про свій подвиг. Насправді ж її монолог у перекладі з курячого звучить ось як:

– Ой, бідна ж моя голівонько! Ох, нещасна ж я! Ось знесла яйце, але хіба ж дадуть його висидіти?! А з нього ж могло б вилупитись курчатко – мій синочок чи донечка! Та хіба ж тут когось висидиш? Зараз прийде господиня і забере мою дитиноньку!..

При цьому курка стурбовано озирається і тривожиться: "Та де ж вона нарешті, ця господиня? Так, чого доброго, і справді доведеться висиджувати!"

ИНВАЛИДЫ

– Осторожнее, бабушка, держитесь! Вот, пожалуйста, можете за меня пока держаться. Сейчас вам ребята место уступят... Нет, не уступят. И не надо на них обижаться. Значит, инвалиды. Вы же

видите – написано: "Места для пассажиров с детьми и инвалидов". Ну и что, что молодые? Это не ваше поколение – они теперь заранее инвалидами рождаются. Вот ваше поколение было стойкое. Потому что выстояли. И до сих пор выстаиваете. Во всех очередях. Не только в троллейбусе. И на девушку смотреть не надо. Раз сидит, значит, положено. Она, может быть, немножко беременная. Что, ребята? Встали-то чего? Не инвалиды, говорите? Бабушка, не инвалиды они, так что садитесь. Нет, ребята, и я не инвалид – и не собираюсь. Никуда я с вами не пойду. Мне еще четыре остановки ехать. И вы со мной? Пожалуйста. Имеете право. Бабушка, до свидания, моя остановка, приехали, ребята. Девушка тоже? Хорошо, девушке тоже можно...

Нет, сержант, напрасно вы приехали. Тут бы "Скорую помощь" надо... Ну потому что ребята все-таки инвалидами оказались. Вот этот, который стонет, от кинобоевиков повредился. Вроде как по голове ногой кого-то хотел ударить. Нормальный такое делает? Своему другу в голову и попал. Тот без сознания лежит, у этого, похоже, нога сломана... Конечно, сержант, конечно. Конечно, вы правы. Только вы уж заодно и девушку возьмите. Девушка немножко беременная. Может быть, ей тоже помощь нужна.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ

– Я думаю, спектакль будет кассовый, – с присущим ему апломбом сказал мне главный режиссер. – Стоп! Гриша, куда тебя несет? Это же наш символ! Ты же его своротишь к чертовой бабушке! Вот так. Любуйся... Слезу дай... Молодец! Теперь к героине... Текст! Текст, черт побери. Ну, дьявол, ну даешь! Ну леший с тобой – читай с бумажки...

Итак, общая концепция спектакля. Любовь, опять любовь, еще одна любовь – и каждый раз дети. Тут же конфликт поколений. Все, как в жизни, только гораздо лучше! Марь Гавриловна, ты чего делаешь? Ну обними его, если тебе так хочется... Ч-черт! Кто так обнимает! Ты мне двусмысленность дай. О, ч-черт! Показать? Смотрите – показываю. Все смотрите. Стасик, ты сдурел? С какой это радости я тебя обнимать буду? Нет, Марь

Гавриловна, вы тоже на годитесь... Лена! Где Лена? Ну-ка, стань на его место... Марь Гавриловна, поняла? Можешь обнять смелее, от него не убудет. Или так... За каждого самому играть приходится! Спасибо, Лена. По местам, повторяем...

Итак, концепция... Ладно, об этом мы говорили. Декорации. Спирамидонов. Художник, между нами, никуда, но вы его где-то там похвалите. От вас не убудет, а человеку приятно. Декорации здесь – дело десятое... Нет, вы смотрите, что она вытворяет! Марь Гавриловна, голубушка, слезу подпусти. Да на твою слезу валом пойдут. Стасик! Выпадаешь! Ты кто, Гамлет?.. Сиропчику, сиропчику!.. Что? Ладно, на гастролях это снимем. Во! Хорошо.

На музыку обратите внимание. Прошибает – верно? Всех убрать, занавес закрыть – и все равно до печенок, верно? Хо-хо, билеты с нагрузкой будем продавать: ты, братец, сначала Гамлета посмотри, а уж потом... Герасим Петрович, микшируй! Нет, хоть сам за пульт садись. Микшируй, кому говорю!.. Полный свет! Хорошо! Убрать! Мне что, самому это сделать? Я сказал – совсем убрать! Пусть зритель пофантазирует. Он такое нафантазирует!.. Вы там, кстати, где-нибудь пометьте: дескать, спектакль зовет зрителей за собой, будит воображение...

Стоп! Сто-о-оп! Свет! Полный свет! Гриша! Ты что наделал? Да наплевать мне, что тебе больно! Я же предупреждал!.. За день до спектакля! Что?

Черта лысого Спирамидонов успеет! Вот на премьере ты у меня и будешь за символ стоять... Обиделся. Смотрите, всерьез обиделся. А естествен-то как! Так бы вот так в первом акте сыграл... Стоп. Костюмерная! Почему на Лене костюм не тот? Что – в своем буду играть! Может быть, вообще без костюма играть будешь? Ну тогда уж публика точно повалит... Хоть сам за швейную машинку садись.

Между нами, автор недотягивает. Честное слово, рука заболела править. Ну да ладно, вытянем, домыслим. Марь Гавриловна, здесь уроните слезу! Володя. Володя! Сиропу в эту реплику, сиропу. Лена слезу! Крупнее. Выдавливай. Стасик, ты чего ждешь? Ну, талантищи мои!

Все! Всем спасибо. Все свободны. Умыться не забудьте.

И НИ ГУ-ГУ...

Тихо, пожалуйста, тихо! Они совсем рядом...

Тс -с-с!..

Может быть, они вообще повсюду...

Тс-с-с...

Прислушайтесь...

Слышите, как тихо?

Они себя не выдадут...

2 000 лет! Понимаете, 2 000 лет! Наблюдают... А сами – ни гу-гу.

За Александром Македонским – наблюдали. За Наполеоном – наблюдали. Над Ватерлоо штук восемь летающих тарелок висело. Наблюдали... Вмешаться – ни-ни.

Теперь я у них под наблюдением.

Только я не Македонский. Меня не проведешь. Я их сразу чувствую. Инопланетян этих.

У них ведь техника – какая? Стоит где появиться ихней летающей тарелке, там сразу вся автоматика разлаживается. Я это знаю, они – нет. Поэтому и выдают себя.

Я как-то маме из автомата звонил. Час звоню, а попадаю не к маме, а все к какой-то Маше. А может, и не к Маше... Это я к тому, что после четвертого попадания она мне сообщила не только номер телефона, но и свой адрес, а после шестого принялась объяснять, каким троллейбусом лучше доехать.

Я, конечно, не поехал. А то мало ли что. Может, с виду женщина как женщина, а на самом деле – она, инопланетянка. Я этих инопланетянок знаю. Не первый раз женат.

А вы говорите, телефоны-автоматы такие.

А знаете, чего они шалят, инопланетяне? Чего они безобразничают?.. Нас проверяют. Чего мы делать будем?

А мы – ничего. А мы сидим и в телевизор смотрим. А когда он, телевизор этот, гаснет, мы опять – телевизоры такие! А то, что, может, рядом совсем, может, в соседнем квартале летающая тарелка прошла, – кто об этом, кроме меня, знает?

В кино пошел – так они части фильма попутали. Героя везут в реанимацию, а попадаєт он в ресторан. Только в любви объяснился – хлоп, опятъ везут в реанимацию.

Вот они на что способны, пришельцы эти.

А вы говорите, киномеханик пьяный?..

Нет, пора уже, пора быть серьезнее. То термометров не было, то батареек, то лампочек электрических. А то вообще ничего. Сейчас все есть, но ничего не купишь. Дорого же!.. А кто виноват? Они виноваты, они, инопланетяне. Нашу с вами реакцию проверяют.

А мы чего? А мы – ни гу-гу.

Пускай себе проверяют.

КОМПЕНСАЦІЯ

(Скетч)

Дійові особи:

Чергова по поверху.

Відряджений.

Телевізор.

Невеликий хол на сьомому поверсі готелю. Столик чергової по поверху. В протилежному кутку працює телевізор.

Відряджений: Добрий вечір. Я вранці відлітаю. Чи не могли б ви замовити мені таксі?

Чергова (не відриваючись від телевізора): Це не входить в мої обов'язки.

В.: А в чій входить?

Ч.: Зверніться до чергового адміністратора.

В: Дозвольте, я подзвоню адміністратору.

Ч. (так само байдуже): Це службовий телефон.

Відряджений, пробубнівши крізь зуби не то "дякую", не то щось інше, виходить. Чергова, як раніше, дивиться телевізор. По її обличчю видно, що на екрані відбувається любовна сцена.

В. (з'являється, тримаючись рукою за серце): Неподобство!
Невже не можна полагодити ліфт?

Ч. (не відриваючись від екрана, томним голосом): Це не входить у мої обов'язки.

В. (махнув рукою): Ну добре. Таксі я замовив на чотири ранку. Чи не могли б ви мене розбудити о пів на третю?

Ч.: Це не входить у мої обов'язки.

В.: А в чій входить?

Ч. (наче прокидаючись): Ні в чій. (Не дивлячись, дістає із ящика будильник, ставить на стіл.) Спуститься до адміністратора і заплатити за прокат.

В.: А не можна заплатити вам?

Ч. (так само дивлячись у телевізор): Не можна, я не маю квитанцій.

В. (сердито): Мені не потрібна квитанція!

Ч. (по її обличчю видно, що любовна сцена закінчилась і тепер показують щось із солодкого життя підпільних мільонерів): Ну, добре, вговорили. Давайте.

В. (віддає гроші, перевіряє будильник): Він не дзвонить.

Ч.: Його треба струснути. (Відряджений струшує будильник, той починає дзвонити.) Тихіше! Через ваш будильник нічого не чути! Ідіть у номер і перевіряйте там на здоров'я!

В. (починає нервувати): Це не мій, це – ваш будильник. І він не дзвонить! Дайте інший.

Ч. (хвилюючись, по її обличчю видно, що на екрані відбувається щось небезпечно для життя героя): Він такий же мій, як і ваш. Іншого нема.

В.: А якщо він не задзвонить?

Ч.: (з полегшенням): Струснете.

В.: Як же я його струсну уві сні?

Ч.: Це вже ваші проблеми. Не заважайте, будь ласка, працювати.

В. (кричить): А якщо я просплю?! Ви знаєте, скільки коштує запізнення до відльоту? Двадцять п'ять процентів!

Ч. (з презирством, по її обличчю видно, що на екрані сцена, яка розвінчує дрібні душі підпільних мільонерів): Так ось що вас цікавить! Тільки ваші гроші!

В. (ніяковіючи): А чом би й ні.

Ч. (все з тим же презирством): Готель відшкодує вам ваші витрати.

В. (здивовано): Всі?

Ч. (не відриваючись від телевізора, голос її повен благородного гніву): Всі. Всі до копійки! Якщо ви струснете будильник, а він не задзвонить, підійдете до мене, я поверну вам вартість прокату.

Завіса.